

по спецделам Прокуратуры СССР Лурье и Розанову 11 июля 1934 г. Это последний из имеющихся в деле допросов ученого.

М. Н. Сперанский здесь в основном подтвердил показания, данные ранее, иногда их конкретизируя: «Под тяжелым положением науки в СССР я подразумевал трудности в пользовании материалами и пособиями общественных книгохранилищ, явившиеся результатом временного тяжелого положения их самих». Заметно теперь и стремление к большей осторожности, чем до того: вопреки сказанному ранее он теперь заявил, что ни он сам, ни его собеседники по «понедельникам» «никогда не сравнивали упадок науки в СССР с расцветом ее в капиталистических странах»; подчеркивает он и то, что разговоры о тяжелом положении науки относились будто бы «главным образом к первым годам революции». О своей политической деятельности он сказал: «Никакой политической деятельностью я не занимался и являюсь человеком антиполитичным». По поводу «контрреволюционной организации» М. Н. Сперанский заявил то, что и было на самом деле: «О существовании контрреволюционной организации я впервые узнал на допросе в ОГПУ». В то же время ему вновь пришлось сказать: «Признаю, что у меня в доме бывавшие знакомые наряду с научными беседами вели антисоветские разговоры, в которых я также принимал участие и не принимал мер к прекращению их... Я признаю, что допускал у себя в квартире на приемах встречи и беседы националистически настроенных... лиц и не принимал мер к прекращению подобных разговоров».

19 июля 1934 г. старший помощник прокурора СССР по спецделам Катанян дал заключение по делу М. Н. Сперанского на имя Прокурора СССР И. А. Акулова. По поводу показаний Сперанского было сказано: «Свое участие в контрреволюционной организации Сперанский на допросе отрицал, однако признал, что на устраиваемых у себя на дому так называемых „понедельниках“ (приемах) участвовали обвиняемые по делу „Российская национальная партия“ Дурново Н. Н., Ильинский, Грушевский⁸, Седельников и др., которые вели, помимо научных бесед, беседы антисоветского... характера, в которых он, Сперанский, также принимал участие. Этим беседам Сперанский пытался придать невинно-обывательский характер, однако из показаний ряда других обвиняемых по данному делу видно, что беседы эти носили характер политических совещаний, касающихся деятельности „Российской национальной партии“». Любая фраза Сперанского поворачивается в заключение против него. Так, говоря о показаниях своих арестованных знакомых, Сперанский заявил: «Объяснить, почему они указывают на меня как на участника контрреволюционной организации, я не могу». В заключении эта фраза интерпретирована так: «Не смог объяснить причин, почему указанные лица, коих он знал и которые бывали у него на квартире, дают против него показания». Вывод Катаняна: «Находя приговор Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 16.VI.34 г., по которому Сперанский осужден к ссылке в г. Уфа на три года, правильным, — полагаю жалобу Сперанского оставить без последствий».

Обращение Г. Н. Сперанского к Сталину все же оказало действие, в уже упоминавшемся заявлении 1936 г. он подчеркивает, что после его «личных объяснений» с И. А. Акуловым его брат был оставлен в Москве. Приговор о высылке не вступал в силу в течение пяти месяцев, а 17 ноября 1934 г. его дело вторично разбирало Особое совещание (к тому времени уже не ОГПУ, а НКВД). Первый приговор был подтвержден, но добавлена фраза «Приговор считать условным». Выписка из протокола, подписанная ответственным секретарем Особого совещания Фельдманом, завершается словами: «Дело сдать в архив».

Так закончилось «дело» М. Н. Сперанского. Ученый остался жить в своей квартире в Грибоедовском переулке около Плющихи (ныне переулок уже не существует), но уже не только не мог продолжать традицию «понедельников», но вообще почти перестал общаться с уцелевшими знакомыми. Избежав лагеря

⁸ М. С. Грушевский, как мы видели, обвиняемым по этому делу не был.